

А. Вишневский. Характерная черта нынешней ситуации в стране - дезориентированное общественное сознание. Все видят, что общество в кризисе, но нет двух человек, одинаково понимающих причины этого кризиса, и нет единодушия, когда речь заходит о путях выхода из него.

Одна из соломинок, за которые пытается ухватиться наше дезориентированное сознание - это человек. Все говорят о человеке, о том, что его надо поставить во главу угла, построить социализм с человеческим лицом, увидеть мир в человеческом измерении и т. д. В общем в этом же ключе написана и наша книга.

Однако уже когда мы начинали работу над ней, кое-кто из авторов испытывал определенное беспокойство. Словесное славословие человека захлестнуло всех и вся, но приближало ли оно нас к пониманию происходящего, подсказывало ли пути дальнейшего движения? Скорее, настораживало. Ибо сказано в писании, что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими, но тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их [Мф, 7, 13]. Чем шире распространяется какое-нибудь идеологическое клише, тем меньшую смысловую нагрузку оно несет и тем меньше от него пользы.

Люди, занимающиеся изучением общества, не могут не ощущать опасности, которая таится в превращении тех или иных понятий в расхожие лозунги. Бесконечное повторение на всех уровнях призывов к гуманизации, к признанию общечеловеческих ценностей и т. п. приводит к опошлению этих понятий, лишает их исторической конкретности, слова становятся оболочкой, под которой ничего нет.

Пожалуй, главной потребностью, которую испытывали многие авторы сборника, иногда скорее интуитивно, была потребность в утверждении историзма во взгляде на человека, а значит, и на наше общество. Ведь книга адресована читателю, которого интересуют прежде всего проблемы советского общества. Общеизвестен взрыв интереса к нашей давней и недавней истории, но она все же чаще видится как история деяний тех или иных исторических личностей (здесь есть такие фавориты авторского и читательского интереса, как Сталин). Я же разделяю точку зрения тех, кто за историческими событиями видит прежде всего перемены, происходящие с человеком. Можно присоединиться к моральным оценкам тех или иных исторических деятелей, но нельзя согласиться с тем, что они творят историю. История творит себя сама - меняя человека и меняясь

вместе с ним. А деятели лишь говорят от их лица. Эта мысль хорошо выражена в давних стихах Пастернака о Ленине.

...Эта голая картавость
Отчитывалась вслух во всем,
Что кровью былей начерталось:
Он был их звуковым лицом.
Столетий завистью завистлив,
Ревнив их ревностью одной,
Он управлял движеньем мыслей
И только потому - страной.
Тогда его увидев въяве,
Я думал, думал без конца
Об авторстве его и праве
Держать от первого лица.
Из ряда многих поколений
Выходит кто-нибудь вперед.
Предвестьем льгот приходит гений
И гнетом мстит за свой уход.

Л. Ионин. Есть более ранний вариант последнего четверостишия:

Я думал о происхожденье
Века связующих тягот.
Предвестьем льгот... и т. д.

А. Вишневский. Это иной поворот той же мысли: увидеть отдельного человека в системе исторических связей, в неразрывной цепи поколений, а не самого по себе. А с другой стороны, надо увидеть все общество в человеческом измерении - что и значит, по-моему, понять, как его основные черты определяются основными чертами социального человека. Наше общество - переходное, такому его состоянию - не меньше ста лет, может быть и больше. Но это и означает, в первую очередь, что сто лет идет интенсивное изменение человека, типа человеческой личности, типа общественного сознания. Каким был человек, каким он стал или становится, - вот вопрос, который должен занимать нас в первую очередь и к которому

удалось пока лишь прикоснуться некоторым авторам нашего сборника.

В переходную эпоху все находится в движении, все непрерывно меняется, причем очень несинхронно, нарастает неоднородность общества, его разнообразие, в частности, человеческое разнообразие. У нас долгое время это нарастающее разнообразие было затиснуто в жесткую и крайне единообразную институциональную скорлупу. Казалось, что слабый человек никогда не разорвет эту железобетонную скорлупу, но это только казалось. Человеческое давление на институты нарастало, сегодняшний кризис - это именно кризис разлада между выросшим человеком и тесным камзолom устаревших институтов.

Сейчас в ходу на редкость пошлая мысль о падении нравов, утрате духовности и т. п. В таких рассуждениях, кстати, тоже получает выражение стремление взглянуть на события сегодняшнего дня сквозь призму "человеческого измерения". Трудно сказать, высокая духовность какой эпохи берется здесь за точку отсчета: времен крепостного права, гражданской войны или сталинских лагерей. Но я думаю, что с человеком происходило что-то другое. В какой-то мере это отражено в статьях сборника: человек все-таки рос, общество все-таки модернизировалось. Но платить за это приходилось, к сожалению, очень дорого.

Удалось ли нам это показать или мы тоже сбились на ставшую уже банальной внешнюю остроту, можно ли почерпнуть из нашей книги что-либо конструктивное, об этом судить не нам.